

Ю.Г. Хазанкович

Якутский государственный университет

**Пути и путы критики:
О современном состоянии изучения
литератур малочисленных народов
Севера и Сибири**

Аннотация: В статье анализируется современное состояние изучения литератур малочисленных народов Севера и Сибири.

Modern studies on literatures of Siberian and the nord folks are analysed in the article.

Ключевые слова: народы Севера и Сибири, литература.

Siberian and the nord folks, literature.

УДК: 82.02.

Контактная информация: Якутск, ул. Белинского, 58. ЯГУ, филологический факультет. Тел. (4112) 360934. E-mail: hazankovich33@mail.ru.

Вопрос о литературно-художественной критике становится своего рода «вечным» в науке о литературе. И поднимая его относительно критики, посвященной литературе народов Севера, мы преследуем практическую цель: сделать *общие выводы* о характере функционирования литературной критики сер. 1970 – 1990-х годов, выявить критерии оценок и интерпретационные доминанты в осмыслении творческой индивидуальности того или иного художника или самого явления в целом. На наш взгляд, обращение к «критической разногласице» прошлых лет дает нам тот материал, который не только значительно дополнит наши представления о ценностных аспектах содержания северных литератур, но и позволит определить принципы ее дальнейшего анализа, которые будут сообразны с природой самого предмета. Мы не ставим перед собой задачу глубинного рецензирования статей, которые вышли на страницах журналов «Сибирские огни», «Полярная звезда», «Байкал», «Дальний Восток», «Югра», «Литературное обозрение», или газетах «Социалистическая Якутия», «Красноярский рабочий», «Полярник», «Тюменская правда», «Советская Эвенкия» и др. Это потребовало бы большого «статейного пространства». Мы считаем, что необходим в осмыслении этого вопроса концептуальный подход. В частности, сочетание социодинамического анализа критики (экскурс в мир критических жанров) с историко-типологическим позволит сфокусировать внимание на теоретических проблемах, которые имеют место прежде всего в региональной критике, посвященной литературам коренных малочисленных народов Севера и Сибири.

Наиболее регулярно критические статьи о творчестве северных поэтов и прозаиков стали появляться в середине семидесятых годов – до этого времени они были «эпизодичны» на страницах журналов. Критическое «оживление» было связано с процессами, происходившими тогда в самой литературе: громко заявили о себе прозаики – нивх В. Санги и чукча Ю. Рытхэу, юкагир С. Курилов и нанаяц Г. Ходжер, эвенк Алитет Немтушкин и манси Юван Шесталов, ненка Анна Неркаги, произведения которых вошли в «золотой фонд» северных литератур.

Критика семидесятых годов была еще «подступом» к непосредственно литературоведческому изучению художественной словесности северян. Об этом свидетельствует произвольный, почти хаотичный выбор критиками художественного материала и рассматриваемых тем: от очень узких до неохватно широких. Следует отметить, что такое положение вещей сохранялось в значительной степени до середины 1980-х гг. Основным критическим жанром выступила рецензия, в которой упор делался на содержание, что позволяло критикам лишь контурно очертить «особый эстетический мир» национальной литературы с ее своеобразной тематикой. Статьи Е. Богданова, А. Мартиновича, А. Омельчука, Ю. Шпрыгова и А. Жулевой о поэтических сборниках ненцев В. Ледкова и Л. Лапсуя, юкагира Улуро Адо, и чукчи А. Кымытваль, хотя и затрагивали самобытную проблематику, сквозные поэтические образы и изобразительные средства, но нередко «грешили» однозначными выводами и дидактизмом. При этом творческая индивидуальность поэтов только подчеркивалась, но не раскрывалась в полной мере.

Широта охвата материала, содержательная концептуальность отличала статьи, где анализировались прозаические произведения. В этом контексте следует отметить содержательные работы Э.А. Бальбурова и Дм. Романенко, посвятившим статьи осмыслению повестей Ювана Шесталова и романа В. Санги «Женитьба Кевонгов». Интересна работа Т. Комиссаровой, попытавшейся осмыслить на страницах журнала «Байкал» документальную повесть Ю. Шесталова «Сибирское ускорение». Следует отметить и статью Ю.Н. Таниной, которая обратилась к переосмыслению творчества Джанси Кимонко, Г. Андреевой о трилогии Ю. Рытхэу «Конец вечной мерзлоты» и Т. Комиссаровой о романах и повестях В. Санги.

Но характерным для многих исследований того времени стал «социокультурный подход» в освоении художественного материала северной литературы. Критика стремилась прежде всего уяснить «социальную природу» литератур «малых» народов Сибири и Севера, развивающуюся в русле «большой» русской литературы и собственных фольклорных традиций. При этом эстетическое начало художественного феномена иногда упускалось, что и предопределяло поверхностность и эклектичность выводов у некоторых критиков. Например, в статье В. Огрызко «Современные легенды Ю. Рытхэу» подчеркивается значимость именно «социальной проблематики». Но главным «бичом» критики 1970-х гг. стало отсутствие в ней четких оценочных критериев. Их намечает исследователь А. Михайлов в статье «Художественная летопись народа». Обращаясь к «большим романам» Ю. Рытхэу, Г. Ходжера, С. Курилова, исследователь предлагал в качестве такого критерия динамику конфликта и характеров, а А.В. Пошатаева прозу Ю. Шесталова предлагает рассматривать в контексте традиций лиро-эпической прозы. Работа В. Санги «От фольклора к современной художественной литературе» тоже стала значимой в своей эстетической направленности. Он подошел к осмыслению художественно-эстетического явления «изнутри», так как сам глубоко исследовал и знал нивхский фольклор и уже был автором ряда романов. Но исследования такого характера скорее были исключением. Типичным для критиков было все же рассматривать произведения как «отражение эпохи» и ставить перед авторами не совсем литературные задачи. Региональная критика была лишена тотальной идеологичности, которая в то время поразила всю литературно-художественную критику, но все-таки не избежала «зашоренности» в своих подходах. Внимание к идейной стороне произведений, многозначность которой исследователями демонстрировалась на выборе художником самого «жизненного материала» и героев, отодвигало на задний план форму произведения, его сложную и многогранную структуру, т.е. то, что составляет достоинство всякого словесно-художественного явления. Ряд публикаций отличались «инструментальностью стиля», суть которого заключалась в том, что произведение считалось «художественным» лишь в той мере, в какой оно вписывалось в соци-

ально-идеологический канон. Тому пример рецензия Г. Сыромятникова на книгу С. Курилова «Новые люди» – «Большое дело Куриля».

Немногочисленные статьи обзорного характера также не были лишены аналитической «однобокости» и ориентации на «преднаходимую доктрину» [Добренко, 1993, с. 31]. Так, в статье якутского исследователя Г. Окурокова «Пафос общности» весьма ощутимо присутствие «регламентированности», идейно-критического канона в описании «проблемно-тематического диапазона» северных литератур. Причем разговор из сферы художественной действительности зачастую переводился на конкретную жизнь, что, очевидно, было предопределено самой атмосферой того времени. Но в любом случае несомненным достоинством критики середины 1970-х и начала 1980-х годов стало то, что ей удалось вовремя разглядеть весомость самого литературного явления.

Пик критического осмысления северных литератур пришелся на середину 1980-х годов. Она буквально «пережила» серию критико-публицистических статей, обзоров, «литературных портретов» и рецензий. Обозначившийся консерватизм литературно-критического мышления стал преодолеваться именно в эти годы: внимание исследователей сосредоточилось уже не на описании, а на познании и оценке произведений по художественно-эстетическим параметрам. Обращение к литературе народов Севера как к «эстетической системе» со своей своеобразной жанровой, образной и языковой структурой, вероятно, следует связывать с изменением самого восприятия творчества северян и их самобытного, далеко не «примитивного», художественного мышления, берущего исток в фольклоре. Если ранее критическая мысль была сфокусирована только на оси «автор – герой», то впоследствии она переместилась в плоскость взаимодействия и взаимообогащения русской литературы и литератур малочисленных народов Севера и Сибири на уровне художественной формы и содержания, фольклорных и литературных традиций. Менее продуктивный «оценочный подход» отступил благодаря усилению исследовательско-аналитического аспекта в рецензиях. Интересен и тот факт, что если объектом критического осмысления в 1970-х гг. была в основном поэзия, то в середине 1980-х критики стали больше обращаться к прозе: В. Чалмаев посвящает статью творчеству Еремея Айпина, М. Михайлова – «Новым людям» Семена Курилова, Т. Комиссарова исследует «прозу поэта» Алитета Немтушкина, а Елена Хомутова анализирует малоизвестные повести Александра Латкина. Каждая статья содержит тот или иной подход в изучении художественного творчества или метод его филологического исследования.

Своеобразие художественного мира романов и повестей связывали уже с присутствием онтологической проблематики и особым функционированием художественных образов – природных и социальных. Частной иллюстрацией сказанного является статья М. Соболевой «Основоположник нивхской литературы», где творчество В. Санги осмысливается в контексте «сквозных» проблем: жизни и смерти, памяти и забвения, нравственности... Критики особое внимание начинают уделять «художественной форме» произведений. Теоретический аспект ее исследования мы находим в работе В.М. Переверзина «Энергия синтеза», где автор обращается к диалогии Ю. Рытхэу «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге». Следует отметить, что данная работа внесла свою лепту в формирование научной концепции северной литературы, заложенной литературоведческими изысканиями Р. Бикмухаметова, Л. Якименко, А. Власенко, М. Пархоменко.

Углубленная *социокультурная и эстетическая интерпретация* произведений писателей-северян, попытка их исследования в теоретическом аспекте позволило критике второй половины 1980-х годов не только представить ясные очертания «эстетического здания» северных литератур, но и обратиться к его «деталям», наметив тем самым целостное восприятие творчества каждого художника. Следует признать, что далеко не каждая статья имеет самостоятельную научную значимость: наибольшую ценность, на наш взгляд, они приобрели во всей своей мас-

се, ибо выявили некоторые общие тенденции в тогда еще складывающемся литературно-критическом осмыслении северных литератур. В литературно-художественной критике конца 1980-х – середины 90-х годов литературы «малых» народов Севера и Сибири получила лишь эпизодическое прочтение, что связано с рядом объективных причин и самими процессами, которые происходили в литературе. В этот период кардинально начинают меняться как сами подходы в исследовании северных литератур, так и категории литературно-критического сознания. Долгое время наша официальная критика отсекала всякие попытки своеобразия – и в мысли, и в жанре. Но изменилось само время, и заметное «оживление» произошло в критике. В ней появилось ранее невиданное – раскованность и непринужденность. По сути, мы стали свидетелями преодоления инерционного движения прошлого, преодоления косности мышления, в том числе критического. Как заметил однажды Е. Добренко, «преодоление» есть прежде всего «результат понимания» [Добренко, 1993, с. 29]. «Большая» и региональная критика в тот период избавлялись от идеологической привязки, суживающей ее исследовательский аппарат, от назойливого «инструментального» восприятия прозы и поэзии, что собственно и позволило критике выйти на качественно иной уровень исследования и интерпретации северной литературы – *историко-культурный*.

В этом ключе своеобразным «подступом» к «расширительной» интерпретации произведений стала статья В. Огрызко об эпической поэме В. Санги «Человек Ых-мифа». В ней мы находим положение о том, что В. Санги через художественное слово открывает нивхский национально-этнический мир в соответствующих ему образах и коллизиях, воссоздает национальный характер, опирающийся и основывающийся на прочных этнических связях. Но самыми яркими представителями «историко-культурного направления» были и остаются А.В. Пошатаева и Г. Гачев. Их исследования по творчеству эвенкийского прозаика Галины Кэптукэ и северных литератур в целом введены в широкий литературный и культурный контекст и представляют собой опыт культурологического прочтения произведений. Появление работ такого плана стало новым шагом в раскрытии возможностей критического осмысления «младописьменной» литературы, поскольку сам подход позволяет наметить и выявить еще «непознанные» контекстуальные художественно-смысловые пласты в творчестве того или иного писателя. Через обращение к фольклору, тщательный анализ фольклорных традиций в прозе и поэзии северян исследователи нашли ключ к смысловым глубинам содержания северной литературы, ее «жизнедеятельности». Их работы ценны в своем обращении к «художественному генезису» северной литературы. Мифопоэтика была выдвинута в качестве ценностного критерия восприятия северной прозы: внимание к мифо-языческой и религиозной картине мира, запечатленной в художественных текстах, позволило переосмыслить сложившиеся представления об эстетической значимости художественных образов и характеров.

Критики стали более свободно оперировать ассоциативными понятиями и терминами, заимствованными из смежных наук (этнологии, философии) с целью более точного и объективного выражения «внутреннего плана» того или иного произведения, отходя от однозначных «универсально-всеобщих» формулировок. Примером тому может служить статья Георгия Гачева «Повесть эвенкини», где литературовед прочитывает ее произведения (повести Г. Кэптукэ. – Ю.Х.) через «внутреннюю систему ценностей» самой циркумполярной культуры.

Таким кардинальным изменениям критического мышления способствовала, вероятно, не только «постперестроечная» атмосфера, но и появление «других» по своей форме и содержанию произведений. К последним, например, следует отнести рассказы и повести эвенков Галины Кэптукэ, Алитета Немтушкина и Александра Латкина, романы эвенков Платона Ламутского «Дух земли» и А. Кривошапкина «Берег судьбы», повесть ненки Анны Неркаги «Молчащий» и

роман И. Истомина «Живун», роман ханта Еремея Айпия «Ханты или Звезда Утренней Зари», роман сибирского писателя Геннадия Сазонова, написанный в соавторстве с манси Анной Коньковой «И лун медлительных поток» и др., которые стали своего рода попыткой возратить северной словесности самобытность, обогатить и усовершенствовать ее поэтику через проникновение в суть национального характера, национальной психологии и национального менталитета в реальном историческом контексте. Кстати, проблема «национального менталитета», формы и способы его выражения в художественном творчестве северян все еще остается «белым пятном» в критических и собственно литературоведческих исследованиях. Постановочный характер она получила в работе А. Михайлова «Новый этап в развитии литератур», где он, в частности, отмечал: «...И язык, и сюжет, и характеры, и этнографический, исторический, фольклорный материал, и сама форма произведения – все это... составляет произведение, вызванное к жизни национальным самосознанием автора и народа» [Михайлов, 1993, с. 161]. А это произведение, по словам ученого, в порядке обратной связи расширяет пределы и повышает уровень национального менталитета уже самого народа.

Думаем, что обращение к проблеме национального менталитета позволит критике приобрести «прикладной характер», поскольку она будет иметь дело с «наличными системами ценностных ориентации», так как «ценностные системы» не отчуждены от их носителей (т.е. от самого автора, героев) и приходят из социальной практики всего этноса. А это в свою очередь поможет нам увидеть те художественные и содержательные особенности, имеющиеся в том эстетическом феномене, который обобщенно называют «Литературы коренных малочисленных народов Севера и Сибири».

Критика 1990-х годов актуализировала еще один жанр – «социально-литературный портрет» писателя или поэта. К нему следует отнести заметки В. Огрызко в журналах «Северные просторы», «Мир Севера», «Литературная Россия», а также статьи Е. Достоваловой, которые выходили в журналах «Литературное обозрение» и «Розовая чайка». Их работы отличаются острой публицистичностью, но несомненным достоинством таких критических заметок, на наш взгляд, стало то, что они отражают «живой», «пульсирующий» процесс развития северной литературы. Вячеслав Огрызко больше склонен называть свои заметки «эссе». Может быть, это связано с тем, что именно в «эссе» можно продемонстрировать относительность каких-либо «абсолютов», лишая их «застывшей пропагандистской оценочности». Работы такого рода отличает неоднозначность постановки проблемы, раскованность критических суждений и неординарность выводов, а потому они как бы стоят особняком в ряду критических исследований.

Оценивая в целом состояние литературно-критической мысли за два десятилетия, следует сказать, что мы подошли сейчас к очень важному рубежу. Значимость момента заключается в том, что изучение северных литератур стало выходить из «критической самоизоляции» и появилось критическое инакомыслие, т.е. тот логически необходимый момент, который столь важен в становлении исследовательского «целомыслия». Сочетание социокультурного, эстетического и культурологического подходов может скорректировать основные направления и уровни филологического осмысления северной литературы.

Творческая индивидуальность каждого художника должна быть рассмотрена в своей цельности и эволюции, обусловленной историческими, социальными и культурными предпосылками. Есть необходимость многоуровневого анализа северного «романа о роде», столь своеобразного по своей форме и содержанию. Ряд художественных текстов требует «фольклорного комментария», который необходим для более полного и глубокого понимания их структуры. Обращение к художественной семантике произведений может дать целостное представление о литературе вообще, о запечатленной в ней самой духовно-культурной картине мира, связанной как с индивидуальными авторскими взглядами, так и с нацио-

нально-этническим мировоззрением. Вопрос о художественных взаимосвязях и взаимодействиях должен быть осмыслен с качественно иных позиций: любая художественная система, которой собственно и являются литературы народов Севера.

Стало очевидным, что синтетический талант писателей-северян нуждается в синтетическом таланте критиков. А потому присутствие на страницах журналов ведущих критических жанров должно быть дополнено еще и «аналитическим инакомыслием», оригинальностью подходов, что будет способствовать полноценному диалогу критики с автором и читателями.

Литература

Добренко Е. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соц-реалистической критики: поздний сталинизм) // Вопросы литературы. 1993. № 1.

Михайлов А. Новый этап в развитии литератур. (О творчестве Галины Кэптукэ) // Полярная звезда. 1993. № 2.